

ЕВГЕНИЙ САЛТАТЪ.

ТОМЪ II.

ЕВГЕНІЙ САЛІАСЪ

Авторъ романа „ПУГАЧЕВЦЫ“.

ТОМЪ II.

ЕВРЕЙКА. МАНЖАЖА.

ПОВѢСТИ

ВОЛГА.

ПУТЕВОЙ ОЧЕРКЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гостинный дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1877-

✓ Slav 4353.62.281 (2),

ЕВРЕЙКА.

РАЗСКАЗЪ ТУРИСТА.

I.

Я намѣренъ разсказать подробно, правдиво и безъ прикрасъ какъ судьба хотѣла заставить меня похитить чужую жену, вдобавокъ — противъ моей воли, да еще вдобавокъ — изъ одной части свѣта въ другую. Случай этотъ изъ туристской жизни не особенно замѣчательнъ, но не лишенъ того, что называется — *couleur locale*, да кромѣ того отчасти и назидателенъ... хотя бы для юношества!..

Однажды, какъ говорится, въ одинъ прекрасный день, а вѣрнѣе — въ сумерки 12-го апрѣля 1864 года — я очутился на полудикомъ африканскомъ берегу, въ *аллахоспасаемомъ* градѣ Танхерѣ Марокской имперіи. Какъ попалъ я въ Танхеръ?!

Очень просто. Быть въ Гибралтарѣ и отказать себѣ въ затѣѣ побывать *на томъ берегу*, который такъ отчетливо и заманчиво рисуется въ ясную погоду за голубымъ проливомъ, отдѣляющимъ Европу отъ Африки — очень мудрено.

Побывать въ другой части свѣта лестно для туриста, искрестившаго Европу вдоль и поперекъ. Переѣзжай на пароходѣ это синее русло, кажущееся простой широкой рѣкой, и тогда, хоть отчасти, хоть

немного, да побывать въ Африкѣ; и къ тому же на одномъ изъ самыхъ дикихъ ея береговъ, хотя и ближайшихъ къ Европѣ.

Итакъ однажды. ...мнѣ пришлось съ двумя соотечественниками сидѣть и ждать въ Гибралтарѣ трое сутокъ тотъ пароходъ, который бы доставилъ меня въ Малагу. Между тѣмъ на рейдѣ Гибралтара появился случайный гость, пароходикъ, носящій громкое названіе *Lion Belge*, нескромно намекая собой на государственный бельгійскій гербъ.

Этотъ „Левъ“, старый, крошечный, полинялый, съ двумя маленькими колесиками, заявилъ устами маленькаго и тоже старенькаго, и тоже какъ бы полинялаго капитана, что онъ зайдетъ въ Танхеръ, по пути въ Могадоръ, если будутъ пассажиры.

Это была первая побудительная причина поѣздки въ Танхеръ. Но гдѣ же тамъ, на африканскомъ берегу преклонить голову? возникъ вопросъ не послѣдней важности.

Въ гостинницѣ, гдѣ я стоялъ, обѣдала за общимъ столомъ англичанка, очень любезная, очень коричневая и очень словоохотливая. Оказалось, что она обитательница Танхера и содержитъ тамъ... гостинницу!.. Иначе говоря, домъ, въ которомъ она живетъ, заключаетъ въ себѣ отдѣльныя комнаты съ постелями и даже... о прогрессъ! называется по ея фамиліи *Ashton's hotel*.

Въ Танхерѣ гостинница!.. И стало быть *table d'hôte* или вѣрнѣе сказать *table d'hôtesse* любезной, но коричневой *Mistriss Ashton*...

Вторая побудительная причина ѣхать.

Но какъ осмотрѣть Танхеръ и его окрестности? Пожалуй, съѣздить...

Въ Гибралтарѣ меня всюду водилъ, все показывалъ и много рассказывалъ гидъ, молодой еврей Майкель. И онъ вдругъ между прочимъ (вѣроятно, по совѣту англичанки) заявилъ мнѣ, что семь разъ былъ въ Танхерѣ съ иностранцами (и ихъ не съѣли) и слышалъ всегда отъ нихъ, что Танхеръ очень и очень интересенъ!.. Итакъ даже гидъ есть для поѣздки въ Африку.

Это было третьей побудительной причиной.

Но какъ пріѣхать назадъ?! Это былъ уже аргументъ сильный.

И вдругъ, какъ по пучьему велѣнью, капитанъ „Бельгійскаго Льва“ объявилъ (вѣроятно тоже по наущенью мистрисъ Аштонъ), что онъ въ Могадоръ не пойдетъ. Завезетъ насъ въ Танхеръ, съѣздитъ въ Кадиксъ, затѣмъ вернется чрезъ три дня опять въ Гибралтаръ и отсюда поѣдетъ опять за нами и привезетъ насъ обратно.

Русскій, съ которымъ мы вмѣстѣ уже давно колесили по Испаніи, объявилъ, что неприлично, видя Африку на подачу руки, не побывать въ ней. Другой русскій, съ которымъ мы разстались въ Севильѣ и котораго снова нашли въ Гибралтарѣ — тоже прельщался мыслию побывать въ Танхерѣ.

Итакъ боги этого непременно хотѣли.

12-го апрѣля (что въ тотъ годъ было въ свѣтлое Христово воскресенье) рано утромъ, мы поднялись, узнали, что вѣтеръ очень силенъ, что погода будетъ ужасная, но, скрѣпя сердце, все-таки двину-

лись съ мѣшками въ рукахъ по пустымъ, еще спавшимъ улицамъ Гибралтара.

Черезъ часъ мы были на „Бельгійскомъ Левѣ“ и увидѣли... Увы! Увидѣли уже слишкомъ поздно... что это былъ не левъ, а скорѣе старая, худая крыса. А вдали направо, за мысомъ, на которомъ испанскій городокъ Альхесирасъ, виднѣлся бушующій Гибралтарскій проливъ, извѣстный своей вѣтреностью, своимъ непостоянствомъ и вообще сквернымъ характеромъ, по милости котораго онъ пользуется между моряками самой дурной репутаціей.

Мистриссъ Аштонъ и Майкель были конечно съ нами въ числѣ пассажировъ и общали намъ пять часовъ ѣзды.

Предполагалось часа полтора или два ѣхать вдоль береговъ Испаніи до городка Тарифы и знаменитаго Трафалгара, а затѣмъ часа три, чтобъ перерѣзать проливъ и быть на томъ берегу.

Это предполагалось... Но вѣдь извѣстно, что человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, особенно на морѣ, а тѣмъ болѣе въ бурю.

Въ семь часовъ утра мы двинулись съ мѣста. Доѣхали до мыса, обогнули его и увидѣли, что предстоитъ намъ.

Когда открылся изъ-за мыса весь Гибралтарскій проливъ, у меня сердце дрогнуло. Все разстоянье отъ береговъ Африки, плававшихъ въ туманѣ, было сѣдое отъ волнъ, заворачиваемыхъ свистящимъ вѣтромъ.

Погода становилась ужаснѣе съ каждымъ часомъ. Черезъ четыре часа ѣзды (вмѣсто полутора)

появилась Тарифа. Берегъ ея былъ весь бѣлый, полный пѣны отъ бьющихся объ него волнъ; самъ городокъ съ своими башнями тоже весь бѣлый, какъ-то фантастически плавалъ въ серебристомъ туманѣ за брызгами этихъ волнъ, рѣзко и отчетливо рисуясь подъ лохматыми свинцовыми тучами. Среди гула непогоды и свиста вѣтра, Тарифа словно дрожала и колебалась въ глубинѣ грозно поднявшагося и бушующаго залива. Картина была именно какъ-то фантастична, но мнѣ было не до нея. Я отвернулся; готовая къ попыткѣ; оглянувъ весь проливъ, я понялъ, что вскорѣ должно произойти со мной.

Кто дѣйствительно сильно страдалъ на морѣ, тотъ знаетъ эти невыразимыя муки, съ которыми иногда соединяется даже обморокъ или безсознательное состояніе съ тоскливымъ бредомъ.

Отъ Тарифы мы пустились уже прямо перерѣзывать проливъ, да еще вдобавокъ наискось. Вдали, въ туманѣ, хотя и видѣлся мысъ, за которымъ Танхеръ, но капитанъ обѣщалъ еще пять часовъ ѣзды, а то и болѣе, семь и восемь... потому что мы шли противъ теченія и переплывали проливъ, держась лицомъ къ океану, такъ какъ вѣтеръ гналъ воду изъ океана въ море, и насъ могло отнести въ Сеуту. А вѣтеръ этотъ все усиливался... Менѣ чѣмъ черезъ часъ уже укачало всѣхъ. Проводникъ нашъ Майкель лежалъ среди палубы безъ чувствъ. Ко мнѣ перебросило понемногу съ палубы третьяго класса какого-то мавра. Я помню какъ во снѣ весь этотъ переѣздъ. Какіе-то обрывки мыслей и воспомина-

ній, обрывки наблюденій за пароходомъ, палубой, пассажирами, за сѣдыми холмами, которые покрывали насъ брызгами, перелетая черезъ борта; затѣмъ трескъ нашего „*Льва*“, который, какъ утка, какъ щепка, нырять и прыгалъ и бился во всѣ стороны. Изрѣдка я глядѣлъ на вздымавшіяся волны и трусилъ, потому что капитанъ и экипажъ показывали черезчуръ много дѣятельности и заботливости—прескверный признакъ въ этихъ людяхъ!

Очевидно, что не было большой бури, была маленькая, но вѣдь и пароходъ тоже былъ крошка, а налѣво отъ насъ торчитъ извѣстная скала, о которую Гибралтарскій проливъ ежегодно разбиваетъ десятки судовъ.

II.

Въ мученіяхъ и смутныхъ соображеніяхъ прошло много времени... Прошелъ цѣлый длинный день...

Наконецъ, я вдругъ замѣтилъ, что качка уменьшилась, что берегъ Испаніи, къ которому я сидѣлъ лицомъ, совершенно исчезъ за туманомъ.

Изъ этого слѣдовало, что берегъ Африки за спиной и близко. Да, кажется, и въ самомъ дѣлѣ смеркаться стало.

— Посмотрите-ка! говоритъ кто-то: за вами мысъ съ маякомъ, за этимъ мысомъ сейчасъ появится Танхеръ.

Я не обернулся.

— А! Танхеръ! Танхеръ! радостно восклицаетъ вскорѣ нѣсколько голосовъ и глядятъ черезъ меня.

Я не оглянулся, не шевельнулся. Я ждалъ видѣть Африку и Танхеръ съ нетерпѣньемъ туриста, чуть не съ Севильи, но теперь мнѣ было не до него.

— Сколько вѣзды осталось? говорю я.

— Минутъ двадцать; полчаса самое большое.

Я снова пришелъ въ тупое состояніе ожиданія. По палубѣ заходили, потому что уже можно было

ходить, не падая. Майкель всталъ съ пола и сѣлъ; мавра прогнавъ лакей обратно въ III классъ, капитанъ пересталъ хлопотать, спросилъ шоколаду, да поскорѣе, чтобъ успѣть выпить. Наконецъ, раздались дикіе крики около парохода и стукъ весель. Пароходъ, окруженный лодками, сталъ... Я оглянулся.

Увидя Танхеръ, я вполнѣ убѣдился, что мы ѣхали не день, а вѣчность, что Европа не за проливомъ, а тамъ гдѣ-то, далеко осталась за нами, что мы, если не на новой планетѣ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, въ иной части свѣта, въ Африкѣ. Да, это была *Африка*; та, которую ожидалъ я, а не та, которая, въ сущности, за пять часовъ ѣзды отъ береговъ Испаніи. Гибралтаръ неширокъ, а какой страшный, громадный переходъ!

Я никогда не выѣзжалъ изъ Европы; это былъ первый разъ, первое впечатлѣніе иного, не европейскаго. Мнѣ показалось, что и земля тутъ другая, и небо иное. Еще въ Гибралтарѣ мнѣ казалось, что я, въ сущности, недалеко отъ Россіи, 8, 10 дней ѣзды. Отсюда мнѣ казалось, что до Россіи въ годъ не доѣдешь.

Что же особеннаго въ Танхерѣ? Физіономія его, разумѣется, маврская, и ту роль, какую, положимъ, негръ играетъ въ толпѣ европейцевъ, ту же роль играетъ Танхеръ (въ моемъ воображеніи) среди всѣхъ видѣнныхъ мною городовъ.

Во первыхъ, городъ кажется крохотнымъ. Вторыхъ, это первый городъ, въ которомъ я не вижу ни одной колокольни съ крестомъ. Надъ нимъ возвышаются по праву и царятъ двѣ мечети; въ треть-

ихъ, хотя городъ раскинулся по скату небольшой горы и хотя онъ близко, я не вижу ни одной улицы, ни одного окна и ни одной крыши. Представьте себѣ въ глубинѣ залива, среди темной зелени, кучу большихъ, разставленныхъ кое-какъ, бѣлыхъ ящиковъ. Бока — голая бѣлая поверхность, и сверху то же. Представить себѣ любой домъ на боку или кверху ногами — нелѣпо. Почему? Потому что есть окна и крыша, которыя станутъ въ ненормальное положеніе. Домъ Танхера перекатывайте и ставьте какъ угодно — онъ сохранитъ вполне свою внѣшнюю фizioномію, потому что это бѣлый каменный ящикъ съ одинаковыми боками. Онъ, какъ квадратная косточка домино, будетъ все стоять отлично и съ той же фizioноміей.

Эти ящики ярко бѣлѣли, свѣже вымазанные; вокругъ городка тянулась черная крѣпостная стѣна, очень низкая и далеко не родня укрѣпленіямъ, оставшимся отъ мавровъ въ Испаніи.

Съ лодокъ, которыя окружили нашъ пароходъ, шелъ вой — предложенія садиться. Одинъ вопилъ по-испански, прибавляя *Ser*, другой по-англійски, прибавляя испанскія слова и слово *мустю*.

Мы, наконецъ, сѣли въ одну лодку и, сильно качаемые, добрались до берега, но остановились по мелководью сажени на двѣ. Съ берега бросилось человекъ 15 съ дикими криками. Каждый кричалъ, каждый теребилъ кого-либо изъ насъ и становился спиной къ лодкѣ, таща насъ съ нее на себя. Лодочники вступили съ ними въ бой, началось сраженіе и кулаками и веслами. Нѣкоторые ретиро-